
МАТЕРИК БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

Б. Килборн

ТРАВМА И БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ: ДВОЙНОЕ СОЗНАНИЕ, ЖУТКОЕ И ЖЕСТОКОСТЬ (перевод с англ. В.В. Старовойтова)

Аннотация. Сравнительно мало было написано о роли травмы в концепциях бессознательного. В данной статье исследуются концепции бессознательного Фрейда, сопоставление его взглядов с первоначальным французским понятием «двойного сознания» и исследование их скрытых смыслов для техники. В то время как концепция бессознательного Фрейда основывается главным образом на теории внутренних влечений, Ференци приписывал центральную роль травме, сдвигая фокус к индивидууму в контексте взаимоотношений. Данное сравнение иллюстрируется историей случая.

Использованный в данной статье метод исследования заключался в тщательном изучении понятий бессознательного, травмы, двойного сознания в трудах философов, писателей и психологов. В частности, противопоставляются взгляды Фрейда и Ференци на концепцию бессознательного.

На основании проведенного исследования автор статьи приходит к выводу о том, что обращение Фрейда к бессознательным силам и конфликтам приводило к минимизации значимости взаимоотношений, культурных ценностей, истории, межпоколенческой травмы и всего того, что может быть рассматриваемо как «внешняя реальность», в то время как Ференци пытался спасти психоанализ, не позволив ему стать бредовой системой, так как подчеркивал значимость внешней реальности травмы, которая расщепляет идентичность и порождает страдание.

Ключевые слова: психоанализ, бессознательное, двойная совесть, двойное сознание, реальность, влечение, травма, привязанность, Фрейд, Ференци.

Abstract. Relatively little has been written on the role of trauma in conceptions of the unconscious. This paper explores Freud's conceptions of the unconscious, comparing his ideas with the original French notion of «double conscience» and exploring their implications for technique. Whereas Freud's concept of the unconscious mainly depends upon the theory of internal drives, Ferenczi attributed the central role to trauma, shifting the focus to the individual in the context of personal relationships. The comparison is illustrated with the case study. The main method used by the author of the article is the thorough study of the notions of the unconscious, trauma and double conscience in the works of philosophers, writers and psychologists. The author contrasts the views of Freud with the views of Ferenczi on the conception of the unconscious. As a result of his investigation the author of the article comes to the conclusion, that the very power of Freud's evocations of unconscious forces and conflicts minimized relationships, cultural values, history, transgenerational trauma, and whatever can be viewed as «external reality». Ferenczi, on the contrary, attempted to save psychoanalysis from being a delusional system, because he emphasized the external reality of trauma that splits identity and creates suffering.

Key words: trauma, attraction, reality, double consciousness, double conscience, unconscious, psychoanalysis, affection, Freud, Ferenczi.

Перевод выполнен по:

Kilborne B. Trauma and the unconscious: double conscience, the uncanny and the cruelty // American Journal of Psychoanalysis. 2014. № 74. P. 4-20. (Примеч. пер.)

Версия этой статьи была представлена на посвящённой Ференци международной конференции «Лику травмы» в Будапеште, 31 мая – 3 июня 2012 г.

Введение

В течение многих лет я находился под сильным впечатлением от крайне запутанного взаимоотношения между травмой и бессознательным. Хотя Фрейду широко приписывалась честь открытия бессознательного [7, и др.], не он придумал данное слово. Он также не изобрёл концепцию того, что находится вне пределов сознательного осознания. В IV веке святой Августин отметил существование

того, что он назвал *abyssum humanae conscientiae* (первозданным хаосом человеческого сознания) и барьером (*phragmos*) между ним и «обычным» сознанием [5, p. 19]. Так что понятие сферы сознания, которая глубока и раздельна, действительно имеет очень длительную историю. Данное понятие присутствует в трудах Самюэла Тейлора Колриджа в начале XIX века, когда он говорит о начальном мыслимом образе как о первичном факторе человеческого восприятия, в то время как вторичный мыслимый образ сосуществует с человеческой волей. Фрейд [26] описывает сновидения как царский путь к бессознательному, и явно делает бессознательное источником силы. Для них обеих эмоции опасны, если они не контролируются посредством рационального преднамеренно действующего органа. Для них обеих то, что не является сознательным, может быть связано со смертью.

(Alan Gregory (2003) отмечает, что у Колриджа «воображение существенно важно для психического переживания себя в качестве субъекта внутри субъект-объектной связи ... Подобно Медузе, оно вносит 'смерть во все', так что субъект переживает объекты, отличные от него и находящиеся от него на некотором расстоянии, исходя из собственной субъективности ...

Без творческого воображения «не было бы никакой фиксации и, следовательно, никакого ясного восприятия понятия»: сознание «было бы бредовым ... Воображение, поэтому, соответствует предварительной стадии человеческого понимания, стадии субъекта, воображение, далее, конституирует познающего как «душу» ... Душа воспринимает «бытие ... посредством тела, которое является ее символом и направленным наружу и видимым знаком» [28, p. 57]).

Многие авторы, начиная с конца XVIII и начала XIX века опирались на воздействия, находящиеся вне осознаваемых и намеренно действующих сил (например, Гёте, 1809, в романе *Избирательное сродство*, Шатобриан, в книге *Гений христианства*, 1802, и Колридж, 1798, в *Поэме о старом моряке*). Обуславливалась ли такая опора отчасти французской революцией и её последствиями, демографическими перемещениями населения в города, христианским возрождением или промышленной революцией и её неурядицами, наличествовало чувство, что существующие структуры не могут более сдерживать силы хаоса, и что требуется вызвать к некоторой более мощной силе для восстановления чувства порядка и надёжности.

Kerr [33], Rudnytsky [42] и другие обращали внимание на связи между немецким романтизмом и фрейдовским понятием бессознательного. Одна-

ко я полагаю, что имеет место более широкий, европейско/американский контекст, который включает в себя немецкий идеализм (например, Фихте, Шеллинг, Гегель), поглощённость концепцией воли (Шопенгауэр, Ницше) в американском трансцендентализме и, по обеим сторонам Атлантики, очарованность оккультным.

Кроме того, этот более широкий контекст включает в себя христианское учение и его воздействие на понятия воли и на вопросы относительно души/тела, на которые оказал огромное влияние гипнотизм и те состояния, которые он мог вызвать. Как отмечает Pierre Janet [32], на Мэри Бэйкер Эдди глубоко повлияла введенная Шарко в Сальпетриере традиция гипнотизма и животного магнетизма, вкупе с теми предположениями относительно влияния психики на тело, которые она порождала. Понятие о том, что «правильное» мышление может излечивать (исцелять душу) повлияло как на психоанализ, так и на христианское учение. Кроме того, допущения «правильного мышления» препятствовали признанию беспомощности и тревоги, сопутствующих неуверенности, болезни и смерти.

Хотя Фрейд, по-видимому, многократно изменял свои взгляды в концептуализации бессознательного, его гений проявил себя в том, что он сохранял бессознательное в качестве объекта непрекращающегося очарования, даже со всеми присущими бессознательному двусмысленностями и невозможностью его прямого познания. Именно *Толкование сновидений* [26] воспламенило творческие воображения и выделило Фрейда как крайне стимулирующего автора среди исследователей, пишущих на тему, которая в широком смысле может быть истолкована как «бессознательное».

Однако в то время как Фрейд придавал особое значение бессознательному и внутренним движущим силам как проявлениям его теории влечений и теории вытеснения, Ференци открыто поместил движущие силы бессознательного в контекст физического тела, взаимоотношений и привязанности. Соответственно, Ференци настаивал, что наша слабость и ошибки могут быть неоценимыми ресурсами для аналитической работы [см.: 12], в котором он пишет, что когда психическая система не срабатывает, думать начинает организм. Там, где Фрейд подчёркивал *господство* и агрессию, Ференци подчёркивал чувства беспомощности, там, где Фрейд придавал особое значение *пониманию*, Ференци делал акцент на чувствах замешательства, и там, где Фрейд подчёркивал *правильность теоретических формулировок*, Ференци писал о смиренности перед лицом человеческого страдания.

Из этих более широких соображений возникает много вопросов. Какого рода взаимоотношение психики/тело имплицитно наличествует в понятии бессознательного у Фрейда? (*Очарованность тем, что лежит за пределами разума и логики в мире Фрейда влекла за собой также очарованность властью, как это ясно видно, например, в фильме «Кабинет доктора Кэлигари» (снятом по мотивам хорошо известной книги [37]). Сколь зависим Фрейд от понятий воли (например, у Шопенгауэра, Ницше, Туке и Шарко)? Каким образом акцент Фрейда на вине и силе воли связан в его предположениях на акценте господства психики над телом? Каково место морали во фрейдовском бессознательном?*

Двойное сознание

До Фрейда, для Шарко, Бине, Жане и других, преобладающим было французское понятие «двойного сознания». Иногда оно ошибочно переводится как «расщепление». Однако во французском языке оно означает как двойное сознание, так и двойную совесть, знание и незнание в одно и то же время, буквально обладание двумя совестями, расщеплёнными в этическом смысле на то, что известно, но не проживается, и на то, что проживается, но что неизвестно.

Концепция *двойного сознания* развилась из гипноза и из очарованности двойственностью в целом. В XIX веке понятие о том, что самость представляется новой границей, носилось в воздухе по обеим сторонам Атлантики. Оно отразилось в вызывающем ужас романе Роберта Льюиса Стивенсона *Странная история доктора Джекиля и мистера Хайда* (двойная личность) [43], и в немецком понятии *doppelgänger*, часто описываемым как порочная двойственность. Такая общая очарованность двойственностью в её связи с жутким и оккультным само «удвоилось» в связи с открытиями гипноза. Как так получалось, что пациенты в состоянии гипноза могли вспоминать вещи, недоступные для бодрствующей психики? Наиболее ловкий ответ заключался в том, что они одновременно знали и не знали об этих вещах, и что, под гипнозом определённые воспоминания становились «сознательными», даже хотя пациент находился под гипнозом и казался спящим.

Такая культурная очарованность «*doppelgänger*» содействовала интересу Фрейда к работе его современника, австрийского врача и писателя Артура Шницлера, о котором Эленбергер заметил, что фрейдовский случай Доры мог бы легко выйти из-под пера Шницлера, а не Фрейда. Как отмечает Naunel [30, p. 142 ff.], в пьесе Шницлера *Парацельс* (1898) герой гипнотизирует Джастину, которая

затем испытывает «ряд сознательных и бессознательных переживаний». Кроме того, в 1901 году Шницлер написал новеллу *Лейтенант Густль* в стиле потока сознания задолго до Пруста и сюрреалистов. Хейнел далее отмечает: «Страна, столь полная противоречий, как Австро-Венгерская империя, несомненно, должна была породить большую чувствительность к контрастам и множеству сил, воздействующих на характер – нецелостность субъекта суждена была стать темой *Человека без свойств* [38] Роберта Музиля. А после Версальского договора и окончания первой мировой войны Фрейд написал: «Больше нет Австро-Венгрии. Я не смог бы жить где-либо в другом месте» [30, p. 148], замечание, которое предполагает, сколь трудно было для Фрейда жить со всеми этими сложностями и противоречиями, и сколь крайне сильными были его собственные фантазии. (*Трагично, что четыре из пяти сестер Фрейда умерли в концентрационных лагерях, а сам Фрейд получил твердую поддержку от многих друзей, которая позволила ему покинуть Австрию и найти убежище в Англии.*)

Пьер Жане и подсознательное

Пьер Жане красочно описывает историю лечения – от религии через животный магнетизм (*les Fluidists*) к гипнозу (*les Animists*). За десятилетия до *Толкования сновидений* Фрейда Жане создал термины *somnambulisme extralucide* и *subconscience par desagregation*. (*Грубый английский перевод будет «происходящее помимо подсознания», что-то бессмысленное, что нельзя связать друг с другом.*) То, что Жане обозначил термином *des idées fixes* (навязчивые мысли) представляет опасность, потому что они лежат вне диапазона воздействия воли.

Понятие «подсознательного» Жане отличалось от понятия «бессознательное» у Фрейда, значение которого, по мнению Жане, было сужено из-за акцента Фрейда на сексуальности и агрессии. Кроме того, Жане обвинил Фрейда в использовании иных терминов для концепций, которые он сформулировал первым: «Он назвал психоанализом то, что я назвал психологическим анализом; он ввел термин «комплексы» для описания того, что я ранее назвал психологической системой, которая обозначает группу осознанных фактов и движений как тела, так и внутренних органов, которая может быть связана с травматическими воспоминаниями; он назвал «вытеснением» то, что я назвал сужением сознания (и совести) и физического движения; он назвал «катарсисом» то, что я обозначил термином психологическая диссоциация или моральное обеззараживание» [32, p. 24. – перевод Б.К.]

Бессознательное и двойное сознание

Для нас будет полезно сделать паузу в этом месте и поразмышлять об отличиях между французским термином *двойное сознание* и английским термином *бессознательное*. Французский термин двойное сознание относится к тому, что может быть известно и неизвестно в одно и то же время, неизвестно и немислимо, немислимо и известно, неизвестно и мыслимо. (*Хорошо известное понятие «невообразимо известное» [2] происходит из этих более сложных представлений. Подобно Фрейду, Боллас исключает «сознание» из своего «невообразимо известного».*) И тогда имеет место трудность знания и понимания в связи с тем, как то, что известно, становится известно, и как то, что неизвестно, становится неизвестным. Итальянцы предлагают некоторое прояснение своим термином *dimenticatorium*, местом (или комнатой), в которую индивид помещает то, что он не хочет знать.

Двойное сознание подразумевает знание и незнание в одно и то же время, некоторую разновидность осознаваемого Жанае подхода к эпистемологической проблематике для философов и, при более пристальном рассмотрении, полной противоречий. Понятие двойного сознания, явно в атмосфере того периода, было связано с гипнолизмом и его применением на пациентах, рассматриваемых как истеричные; в действительности, те люди, которые были подвержены гипнозу, по определению считались истериками. Поэтому, по определению, истерики были теми пациентами, у которых реальное существование двойного сознания проявлялось лучше, чем у других людей.

Однако Фрейд переформулировал важное значение истерии, сосредоточив внимание на вытеснении и придерживаясь своей теории влечений [21]. Соответственно, он нуждался в отходе от преобладающего понятия «двойного сознания» для того, чтобы представить себя открывателем нового мира, мира внутреннего рассудка. Кроме того, при сравнении с двойным сознанием, фрейдистская концепция бессознательного представляется более лёгкой для схватывания, потому что, по сути, в ней описывается «лишь один человек, и поэтому можно провести более чёткую линию между тем, что известно и неизвестно. Посредством такого чрезмерного упрощения бессознательное для Фрейда стало тем, что должно быть истолковано, и то, что должно быть истолковано, включает то, что Фрейд мог опознать в себе (например, сновидения, ошибочные действия, остроты и т.д.). По собственному признанию Фрейда, само бессознательное непознаваемо, что несколько напоминает сердце-

вину сновидения, которую Фрейд описывает как место, где сновидение уходит в непознаваемое.

То, чего Фрейд достиг, вводя понятие бессознательного в мир, знакомый с идеей двойственности и двойного сознания, так это (по крайней мере, частично) возможности убедить скептиков, что то, что находилось вне логики и вне доступа сознания, может быть понято посредством психоаналитической теории и техники. Однако такое определение «бессознательного» (как отличного от двойного сознания) устремило Фрейда к внутренней фантазии и к отходу от боли и тела, к отходу от смерти, к отходу от внешнего мира.

Посредством сосредоточения на бессознательной мотивации и конфликтах, и вследствие объяснения истерии посредством сексуального вытеснения, Фрейд придал истерическим симптомам совершенно новый смысл. Однако такой акцент на внутренних влечениях и конфликтах как противопоставленных двойному сознанию, вывел Фрейда на траекторию, которая минимизировала реальность внешней травмы в психоанализе (например, было ли соблазнение фантазийным или реальным?).

Фрейд, бессознательное и жестокость

Отметим, сколь легко Фрейд приходит к допущению, что знание о его собственном бессознательном эквивалентно знанию о бессознательном другого человека. Фрейд объясняет: «То, что должно называться сознательным, не нуждается в обсуждении, здесь нет никаких сомнений ... бессознательным мы называем психический процесс, существование которого мы должны предполагать, поскольку мы выводим его из его воздействий, ничего не зная о нем. Далее, мы имеем к нему такое же отношение, как и к психическому процессу другого человека, только он-то является нашим собственным» [19, p. 70; 44, с. 343].

Понимая, что чрезмерное разделение между сознательным и бессознательным порождает серьёзные трудности, Фрейд различает «два вида бессознательного ... бессознательное, которое является только латентным и легко становится сознательным, мы называем “предсознательным”, другому же оставим название “бессознательный”» [19, p. 71; 44, с. 344].

Фрейд даже предлагает, чтобы термин “бессознательное” был повсеместно заменён на термин «Оно», «Вслед за Ницше и по примеру Гроддека [1923]» [19, p. 72; 44, с. 344]. И далее Фрейд продолжает объяснять, что «для процессов в Оно не существует логических законов мышления, прежде всего тезиса о противоречии» [19, p. 73; 44, с. 345].

Однако Фрейд понимает, что такой сдвиг в обозначении не переносится на вопрос бессознательных влечений, от которого зависит столь многое в его теориях психических процессов. Поэтому при пересмотре своей теории сновидений Фрейд делает ясно выраженным свой тезис о том, что «самым сильным элементом [в скрытых мыслях сновидения] является вытесненное влечение» [19, р. 19; 44, с. 309]. Связывая сопротивление с «бессознательным» Фрейд комментирует: «Как вы знаете, вся психоаналитическая теория, собственно, построена на признании сопротивления, которое оказывает нам пациент при попытке сделать сознательным его бессознательное» [19, р. 68; 44, с. 342].

Со ссылкой на краткое обсуждение склонного к травмам пациента, Фрейд проясняет мотивации к сопротивлению, приписывая их бессознательному желанию наказания и жестокости.

«Относительно происхождения этой бессознательной потребности наказания, мы полагаем, нет никаких сомнений. Она ведет себя как часть совести, как продолжение нашей совести в бессознательном, она имеет то же происхождение, что и совесть, т.е. соответствует части агрессии, которая ушла вовнутрь и принята Сверх-Я ... Однако с теоретической точки зрения мы сомневаемся, следует ли предполагать, что вся возвращенная из внешнего мира агрессия связана Сверх-Я и обращена тем самым против Я или что часть её осуществляет свою тайную зловещую деятельность в Я и Оно как свободное влечение к разрушению» [19, р. 109; 44, с. 367].

Существование бессознательного может быть выведено из существования сопротивления, а сопротивление может быть выведено из выражения агрессии и из проявлений бессознательной потребности в наказании. Но тогда встает вопрос о том, каким является сознательное сопротивление, и является ли оно областью Я, Сверх-Я или Оно.

Одним примером того, как Фрейд обращался с сопротивлением, служит его комментарий в случае «человека с крысами», когда пациент внезапно прерывает его объяснение и умоляет пощадить его от изложения последующего. Фрейд пишет: «Я уверил его, что у меня нет какого-либо пристрастия к жестокости, и определенно нет желания его мучить, но что, естественно, я не могу дать ему нечто, что не находится в моей власти. Он мог бы с таким же успехом просить меня дать ему луну. Преодоление сопротивлений было законом лечения, и нельзя от него отказаться по каким бы то ни было соображениям» [25, р. 166]. «В обсессивном неврозе, – продолжает Фрейд, – имеются две разновидности знания, и столь же разумно утверждать как то, что пациент “знает” о своих травмах, так и то, что он не

“знает” о них. Ибо он знает о них в том смысле, что он их не забыл, и он не знает о них в том отношении, что он не осознает их значимость» [25, р. 196, примеч.].

В статье *Жуткое* Фрейд [22] говорит о вызывающих ужас фантастических повестях Э.Т.А. Гофмана как о выражении мощи бессознательного. (*Э.Т.А. Гофман был влиятельным немецким романтическим автором в начале XIX в., с пристрастием к описанию ужасных и жутких сцен. Он оказал влияние на многих авторов: По, Диккенса, Кафку, Бодлера, Достоевского и других, включая Хичкока.*) Джон Керр в своих комментариях к одной из них – «Дьявольский эликсир», написанной в 1816 году, истории, о которой открыто упоминает Фрейд [22, р. 233], – отмечает, что для Фрейда «именно Гофман придал жуткому наиболее зловещее выражение» [33, р. 8]. Данная история является рассказом о двойственных идентичностях, обмане, похоти и убийстве, и на её написание повлияло пребывание Гофмана в течение одного дня в психиатрической больнице для вдохновения.

В *Жутком* Фрейд рассматривает немецкое слово *heimlich* в попытке исследовать, что делает скрытые чувства могущественными. Жуткое в целом (и особое значение *heimlich*) является тем, что «остается скрытым, так что другим об этом или из-за этого непозволительно знать: это от них хотят скрыть». Сделать что-то *heimlich*, объясняет Фрейд, значит сделать это «за чьей-то спиной». Человек может «смотреть с *heimlich* удовольствием на чье-либо замешательство». Если человек ведет себя *heimlich*, он делает это «тайком, словно надо было что-то скрывать». Затем имеет место *heimlich* любовь, «которая была известна Фрейду, ибо у него самого была тайная любовная связь со своей свояченицей» [41]. Имеются «*heimlich* места» и «*heimlich* апартаменты» [22, р. 223; 45, с. 267].

Затем, в дальнейших ассоциациях, Фрейд говорит о крайне жутком рассказе Гофмана *Песочный человек*. Здесь ярко проявляют себя двойственность, садизм, кровавая жестокость и слепота (мотивы, связанные со стыдом и деструктивностью) [см. также: 36]. Песочный человек, говоря словами Фрейда, это «такой злой человек, который приходит за детьми, когда они упрямятся и не хотят идти спать, швыряет им в глаза пригоршню песка, так что они заливаются кровью и лезут на лоб, а потом кладет ребят в мешок и относит на луну на прокорм своим детушкам, что сидят в гнезде, а клювы у них кривые, как у сов, и ими они выклеивают глаза непослушным деткам» [22, р. 228; 45, с. 269].

Затем Фрейд продолжает повествование Гофмана о маленьком травмированном Натанаэле, кото-

рый в конце рассказа признаёт в адвокате Коппелиусе Песочного человека и в полном ужасе бросается через перила. Фрейд пишет: «Как только Натанаэль разможил себе голову о мостовую, Песочный человек исчез в толпе» [22, р. 230; 45, с. 270].

Если мы воспримем эти ссылки на рассказы Гофмана как на ассоциацию с *heimlich*, тогда может показаться, что Фрейд мог намекать на некоторую скрытную и секретную жестокость внутри себя. Говоря о «страхе перед дурным глазом» [22, р. 240; 45, с. 275] Фрейд замечает, что при этом «опасаются понести ущерб из-за тайного намерения и в соответствии с определёнными признаками предполагают, что такое намерение обладает и силой» [22, р. 240; 45, с. 275].

Фрейд затем говорит о «всевластии мыслей», связывающих страх перед секретным намерением причинить вред с подобным намерением и силой. Это согласуется с его акцентом на вине. Фрейд использует вызывающий ужас рассказ Гофмана для демонстрации мощи бессознательного, предполагая, что (бессознательные) фантазии скрытной жестокости содействуют намерениям врождённых влечений. Связывание жестокости со скрытными влечениями делает более лёгким делом поверхностное объяснение человеческой деструктивности путём помещения очарованности жестокостью и садизмом вне сферы этики, потому что она является биологически обусловленной. Соответственно, бессознательное Фрейда радикально отходит от французского понятия «двойного сознания», вычёркивая сознание из того, что является бессознательным.

Важно, что Фрейд впервые упоминает о своей статье *Жуткое* в письме к Шандору Ференци 12 мая 1919 года [15, р. 354-355]. Но в то время как для Ференци бессознательные конфликты коренятся в травме и стыде в связи с ранимостью и беспомощностью (в деструктивных взаимоотношениях и внешних катастрофах), для Фрейда они проистекают от сексуальных влечений и внутренних, скрытных и секретных намерений причинить вред. Для Ференци они имплицитно обуславливаются стыдом, для Фрейда – виной.

В связи с секретным намерением причинения вреда, Фрейд в данном тексте вводит понятие влечения к смерти. (*В своём обсуждении случая Шребера Фрейд замечает: «Конец мира является проекцией этой внутренней катастрофы»* [20, р. 70]. *Это отвод либидинозных вкладов в других людей и во внешний мир. Однако такой отвод интереса отличается для Фрейда от влечения к смерти, хотя и вызывает удивление, почему это должно быть так.*) Вдобавок он комментирует по поводу моти-

ва удвоения: «Так как первоначально двойник был страховкой от гибели Я, “решительным опровержением власти смерти”». Влечение к смерти не является страхом *нанесения вреда* другому человеку. Это внутреннее, врожденное влечение, на которое не влияют внушающие ужас внешние факторы, такие как война и концентрационные лагеря. Следовательно, Фрейд подразумевает, что влечение к смерти отделено от взаимоотношений, помимо того, что оно является проявлением побуждения причинять вред другим. Вина по поводу агрессии и деструкции становится тогда преобладающим акцентом, нежели чем стыд беспомощности, нежели чем стыд от потребности в человеческих связях и нахождение их болезненными.

Ференци и травма

Ференци придаёт особое значение реальности и душевным страданиям при сексуальном совращении ребёнка и говорит о смешении языков между языком детей и их врожденным стремлением к нежности, с одной стороны, и языком взрослых, языком сексуальной страсти, с другой [8]. Данное смешение является травматическим как раз потому, что ребёнок нуждается в нежности, тогда как взрослый хочет сексуального удовлетворения, и ребёнок, таким образом, чувствует, что его потребность в связи не только неправильно понята, но что он (или она) неадекватен; зависимость ребёнка от взрослого для чувства связи становится травматизирована, и ребёнок ощущает себя невидимым и девальвированным. Для Ференци, сексуальность включала в себя чувственность в широчайшем смысле, выражение человеческого стремления к соединению (в *Талассе*, 1924, возвращения в матку), что может иметь мало или ничего общего с сексуальным актом и с сексуальными влечениями и чувствами самими по себе. (*В этом смысле, Ференци повторил высказанную Жане критику Фрейда: что Фрейд неправоммерно сузил свое истолкование травматических воспоминаний по-иском первичных сексуальных событий и сексуальных причин* [32, р. 25].)

Вслед за Ранком, к 1926 г. Ференци высказал утверждение о существенной значимости взаимоотношения между аналитиком и пациентом как *необходимого условия* аналитической техники. (*Эта тема была подхвачена [31] в фильме Spellbound, в котором восстановление утраченного воспоминания о травматическом событии было явно связано с любовным взаимоотношением.*)

Это «кардинальный пункт аналитического материала». И он подчеркивает свою точку зрения:

«каждое сновидение, каждый жест, каждое ошибочное действие, каждое ухудшение или улучшение состояния пациента является, в первую очередь, выражением переноса и сопротивления» [9, р. 225]. Для Ференци важно, что оба термина – «сопротивление» и «перенос» – в равной мере относятся к аналитику и пациенту.

В подавляющей части работ Фрейда и в работах подавляющего числа аналитиков с тех пор, понятия «перенос» и «сопротивление» относятся исключительно к пациенту. Термин «контрперенос» был добавлен почти что как запоздалая мысль, и по сей день он остается вызывающим замешательство и редко применяемым. Относится ли данный термин к реакции на перенос пациента, или же он является выражением личности аналитика, или же он включает в себя оба эти аспекта? Haunal and Falzeder [29, р. 10] говорят о том, что любовь в переносе имела разные смыслы для Фрейда и Ференци. Для Фрейда данный термин относится лишь к чувствам пациентки к аналитику, а для Ференци, к обоим чувствам как аналитика, так и анализанда во взаимодействии.

Ференци акцентирует внимание на взаимоотношении между аналитиком и анализандом, включающим в себя всю двойственность обеих сторон. Ференци пишет (1931), что травмированный пациент, расщепленный между «бессознательным чувством и неоощуемым знанием» «понимает все, однако мало что чувствует или вовсе ничего не чувствует». Ференци объясняет: «пациент чувствует, как если бы он был выведен из равновесия, продуцирует крайне интенсивные степени шока и сопротивления, он чувствует себя обманутым, однако испытывает внутренний запрет к выражению своей агрессивности, и заканчивает разновидностью состояния паралича, которое он испытывает как умирание или нахождение мертвым. Если нам удастся направить это состояние в сторону от нас и назад к детским травматическим событиям, может так случиться, что пациент схватывает тот момент, в который, в прошлом, знание и чувство привели, при тех же самых симптомах беспомощной ярости, самодеструкции, к расщеплению психики на бессознательное чувство и неоощуемое знание, то есть, к тому же самому процессу, который, по мнению Фрейда, является основой вытеснения ... в таком состоянии транса единственным мостом между реальным миром и пациентом является личность аналитика...».

Ференци далее продолжает, связывая расщепление с нарциссизмом: «Вызывающим удивление, однако, в целом, явно обоснованным [результатом] этого процесса расщепления Я становится

внезапное изменение объектной связи, которая стала непереносимой, и уход в нарциссизм. Человек, оставленный всеми богами, полностью исчезает из реальности и создаёт для себя иной мир, в котором он, не связанный земным притяжением, может достичь всего, чего хочет ... [То] событие, на которое мы можем сослаться как противостоящее суицидальному импульсу, является тем фактом, что в этой новой травматической борьбе пациент более не одинок [10, р. 237-238].

Всё в семье: клиническая иллюстрация

Виолетта всегда ощущала себя маленькой и, в более общем смысле, не соперницей силам внешнего мира. Одна из двух сестер, она находилась в лечении более четырёх лет, прежде чем обратилась к анализу. Я супервизировал этот случай. Вскоре после того как она согласилась увеличить число сессий до трёх раз в неделю, я осознал наличие некоторой разновидности напряженности в аналитическом взаимоотношении, как если бы было упущено нечто важное. Это тревожное чувство не покидало меня, и я упомянул о нем аналитику. Прошло несколько месяцев. А затем наступила последовательность сессий, в которых аналитик чувствовала себя необъяснимо уставшей и обремененной. Опираясь на мою интуицию, аналитик, которая сама была крайне чувствительной и умелой, обратила внимание на вроде бы высказанное экспромтом замечание о чувстве мрака. Аналитик побуждала Виолетту обрисовать в деталях это устойчивое чувство мрака, интересуясь, с чем оно может быть связано.

Виолетта: Я не знаю. Жених моей матери умер, когда мать была молодой женщиной.

Аналитик: Как он умер?

Виолетта: Я не знаю. Я никогда не спрашивала. Я полагаю, её мать (моя бабушка) и мой дядя содействовали его смерти, но я не знаю.

На следующей сессии аналитик попросила её рассказать о том, о чём они говорили на прошлой сессии. Виолетта сказала, что не помнит, и высказала предположение, что это могло быть связано с чувством мрака. Аналитик громко спросила о том, как умер жених матери. Виолетта сказала, что не знает. Когда аналитик стала настаивать на раскрытии деталей этой смерти, она столкнулась с сопротивлением, имплицитно подразумевающим: «Я не хочу в это вдаваться». Выражая озабоченность по поводу этого мрака, аналитик высказала пробное предположение: «Возможно, жених был убит?».

Следующая сессия резко началась с подтверждения Виолетты:

Виолетта: Вы были правы. Моей матери было 14 лет. Она должна была выйти замуж за красивого деревенского парня. До свадебной церемонии оставалось три дня. Её жених, дядя по материнской линии и двоюродный брат по материнской линии пошли в лес заготовить дрова для огня. Жених был найден мёртвым в колодце. Моя бабушка по материнской линии, мой дядя и двоюродный брат были все обвинены в убийстве. Двоюродный брат матери был в неё влюблён, хотя она была на шесть лет его старше. Моего дедушку и дядю осудили, потому что они скрывали правду. Что касается двоюродного брата матери, он более десяти лет отсидел в тюрьме. Мой дядя пристрастился к выпивке, регулярно приходил в наш дом, и погиб в автомобильной катастрофе. Никто в семье не говорил об истории этого убийства или о смерти дяди. Я полагаю, что этот мрак может быть связан с колодцем. Двоюродный брат матери умер от рака; все это напоминало фильм ужасов. Семья была разрушена, дядя спился, убийство.

Аналитик была изумлена. Она более четырех лет работала с Виолеттой и не имела ни малейшего представления, что в семье была подобная травма. В последующие недели и месяцы Виолетта редко говорила об этом убийстве. Однако она рассказывала о сюжетах фильмов и пьес, которые все были ужасными. Например, одна ливанская пьеса была о женщине с двумя частями. Одна часть была молодой, а другая – старой и мёртвой.

Виолетта (объясняя): Это напомнило мне мою мать. Беспокойство по поводу матери. Она отказалась от младенца. Шла война. Она была на фронте, арестована и изнасилована собственным сыном, когда находилась в тюрьме. От сына у неё родились близнецы. Он не знал, что она была его матерью. Солдаты взяли всех младенцев, кроме её двух, сына и дочери. Когда она вышла из тюрьмы, она нашла своих детей. У сына был красный рельефный нос, который она получила от его отца (своего собственного сына, который сделал её беременной в тюрьме). Она написала два письма: дочери она сказала, найди своего брата, а сыну – найди своего отца. Затем она умерла. Ища брата и отца, эти двое детей нашли одного и того же человека.

Рассказывается другая история, на этот раз сюжет взят из фильма. Молодой парень приезжает в Рим из деревни. Он хочет быть звездой экрана, снимает жильё. Однако в его жилище полно духов, которые все были актёрами при жизни и все были здесь убиты. Они не могли полностью умереть, потому что никто им не сказал, что с ними произошло. Что случилось? Так как они не знали, что

случилось, они не могли полностью умереть, и сохранялись в limbo.

А вот ещё одна история, и опять сюжет кинофильма основан на *Записках из подполья* (1864) Достоевского. Директор посажен в тюрьму, где он читает Достоевского. Когда он выходит из тюрьмы, его жизнь полностью изменяется. У главного персонажа есть другой человек внутри него. Виолетта сказала, что чувствует, что внутри неё тоже находится другой человек, однако прячет его.

Виолетта знала и не знала эту ужасную историю убийства в семье. И даже когда рассказала о ней аналитику, она продолжала работать над чувствами, рассказывая истории, которые по аффективному содержанию близко напоминали ей собственную ситуацию замешательства, тревоги, ужаса и одиночества, незнания собственной семьи, страхов по поводу собственной двойственности в знании и незнании, страхов инцеста, изнасилования и ужаса от смутно воображаемых вещей, которые удерживались в потаённом месте.

Мы можем задаться вопросом: какого рода концепция бессознательного наиболее полезна в лечении такой пациентки, как Виолетта? Я энергично соглашусь с Ференци, что использование обычного метода свободной ассоциации и отказ от активного взаимоотношения с этой пациенткой будут способствовать её защитному избеганию, что сделает мрак ещё более непроницаемым. Как замечает Ференци в своей *Клиническом дневнике*: «Сама по себе свободная ассоциация без этих новых основ для создания атмосферы доверия не принесёт, таким образом, никакого реального излечения. Врач должен быть реально вовлечен в этот случай, сердцем и душой, или должен честно в этом признаться, когда не испытывает такой вовлечённости, в полном контрасте с поведением взрослых относительно детей» [12, p. 169].

В случае Виолетты аналитик умело оставалась с чувством мрака, осведомляясь о его смысле. Оставить Виолетту ассоциировать в одиночестве, вероятно, никогда не заставило бы её рассказать эту травмирующую семейную историю, ибо то, что сохраняло её вне терапевтической/аналитической ситуации, было завесой семейного секрета и стыда, а также стыда по поводу замешательства, ужаса и одиночества Виолетты, возвращенного внутри семьи, который она не могла понять. Здесь межпоколенческая травма выходит наружу в отношениях, а также в кусочках и частицах истории, которую Виолетта никогда не могла самостоятельно исследовать. Неактивность со стороны аналитика привела Виолетту к повторному переживанию отсутствия отклика от своей семьи, и к сохранению травмы,

что напоминало ситуацию с убитыми актерами в limbo, неспособными жить и неспособными умереть, неспособными изменяться, осужденными преследовать людей через поколения. Аналитик вела себя крайне умело, потому, что стала полностью вовлечена и поэтому смогла помочь Виолетте почувствовать, что та более не одинока с ношей семейного убийства и с пожизненной необъяснимой тревогой и печалью.

Сновидения, бессознательное и травма

Мэрион Олинер в своей недавней работе, озаглавленной «Жизнь – это не сновидение: важно быть реальным», пишет: «Так как в анализе настаивание на реальности переживания часто используется в защитных целях, аналитики подвергаются опасности присоединения к пациентам в отношении к внешней и психической реальности как к дихотомиям, недооценивая, таким образом, целый потенциал пребывания реальным для ограничения всемогущества бессознательного, и посредством этого для восстановления от забвения прошлого и возвращения более широкого контекста пережитого».

Олинер заключает: «...при оптимальных условиях это способствует установлению исторической перспективы и, посредством этого, ограничению всемогущества бессознательного» [39, р. 1139].

Наиболее известные картины «бессознательного» у Фрейда проистекают из его монументального труда *Толкование сновидений* [26], главным источником которого стала смерть отца Фрейда в 1896 году. Нуждаясь в оправдании вследствие того, что он был своим собственным аналитиком, и что для него видящий сны и их истолкователь были одним и тем же лицом, Фрейд разработал теорию сновидения, которая позволила делать истолкование заслуживающим доверия, подобно расшифровке линейного письма В или египетских иероглифов. (*Сравните текст Ференци «С кем индивид связывает свои сновидения [13] с акцентом Фрейда на сновидениях как на тексте.»*) Однако мы можем задаться вопросом о том, не имел ли Фрейд дело при проработке смерти отца также с проработкой собственных страхов умирания. Интерес Фрейда к бессознательному, к тому, чтобы делать бессознательное осознаваемым посредством толкования сновидений, в сочетании с его представлением о себе как об открывателе секрета толкования сновидений, возможно, может быть истолкован как наводящий на мысль, что так как сновидения обеспечивают подтверждение того, что сон сменится пробуждением, они могут использоваться для за-

щиты от страха смерти. Посредством такого представления о себе как о толкователе сновидений, не мог ли Фрейд ощутить, что он владеет дающим жизнь ключом, как это можно предполагать через его неявно выраженное отождествление себя с богом исцеления Асклепием? (*Смотрите [35; 34] относительно обсуждения функции сновидений и их истолкования от Асклепия к Декарту и, далее, к Фрейду.*) Даже сама концепция влечения к смерти может быть составной частью отрицания. Ни одна текущая психоаналитическая теория не может прямо браться за рассмотрение этой проблемы, и, в действительности, ни для какой угодно теории невозможно это сделать. Отсюда и возникает потребность следовать за Ференци, связывая травму с «бессознательным» и, таким образом, повторно вводя, хотя бы лишь имплицитно, понятие двойного сознания.

Фрейд оставлял бессознательное заметно непроницаемым. Однако утверждение о том, что «бессознательное» непосредственно непознаваемо, несёт с собой риски. Как заметил Пол Розен: «Когда имеешь дело с неизвестным, необходимо принимать во внимание опасность магического мышления. Всегда следует помнить о неизбежном взаимодействии между внешними и внутренними силами» [40, р. 63].

Фрейд знал, сколь провокационно пробуждать ассоциации относительно того, что не может быть понято, так же как в *Толковании сновидений* он знал, как неявным образом пробуждать традицию Асклепия, в то же самое время, утверждая, что его подход был научным. Однако сама возможность обращения Фрейда к бессознательным силам и конфликтам приводит к минимизации значимости взаимоотношений, культурных ценностей, истории, межпоколенческой травмы и всего того, что может быть рассматриваемо как «внешняя реальность». Подчёркивая значимость вызывающих ужас эмоций, связанных с бессознательным, он слишком поспешно утверждает, что они являются самой сутью принципа реальности, как он проявляет себя посредством влечений. Смерть становится внутренним делом. Фрейд комментирует: «Я полагаю, что страх смерти представляет из себя нечто такое, что происходит между Я и Сверх-Я» [23; 24, р. 58].

Тогда представляется, что для Фрейда и традиции психоанализа в целом, имеют место имплицитные допущения относительно связи «бессознательного» с тем, чему приписывается «реальность», посредством опоры на болезненность, садизм, агрессию и вину. Например, в статье *Ребёнка бьют* Фрейд [14] настаивает, что фантазия избиения не имеет ничего общего с совращением

ребёнка, так же как кастрационный страх не имеет ничего общего с обрезанием, и сексуальные фантазии Доры не имеют ничего общего с поведением герра К [16], что соблазнение является фантазией, в которой соблазнитель, другой человек, удобно отсутствует. Фрейд и те люди, которые придерживаются его взглядов, защитным образом полагаясь на агрессивное, садистическое, сексуальное и деструктивное содержание «бессознательного», подвергаются риску минимизации человеческой трагедии. Подобно многим другим людям своего поколения, Фрейд нуждался в защите от невероятного и непредсказуемого ужаса со стороны внешнего мира, который становится понятен в свете тех невообразимых травм и разрушений, которые принёс XX век. В этом он был похож на Франца Кафку, который заметил: «Моя склонность к изображению собственной призрачной внутренней жизни сделала все другое неуместным» [1]. (Он также приводит дневниковую запись Кафки от 2 августа 1914 г.: «Германия объявила войну России – Плавание в бассейне днем». Подобно Фрейду, Кафка искал убежища от травм внешнего мира в своем внутреннем мире. Хотя Кафка и не дожил до того времени, чтобы засвидетельствовать эти травмы, так как умер в возрасте 40 лет, в 1924 г., задолго до холокоста, три его сестры были убиты в концентрационных лагерях, как и сестры Фрейда.)

Я бы даже высказал предположение, что если мы как аналитики не помогаем нашим пациентам использовать их связи с другими людьми (и с нами) для осознания всего того, что может быть сконструировано в качестве реального внешнего мира, мы не сможем им помочь в борьбе за их идентичность. То, что часто диагностируется как паранойя, может также рассматриваться как направляемое стыдом избегание зависимости от других людей, которое ставит под угрозу чувство нашего Я. Однако именно в таких вызовах может выковаться идентичность; без них результатом будет нарциссическое всемогущество и логически обосновываемое недоверие к миру.

Для Ференци (а он, по сути, один из нас), бессознательное – это вместилище страдания, трагедии и беспомощности, и травма смертности звучит набатом в жизни людей. После смерти Ференци он был «бессовестно» забыт – вкуче с его неудобным

акцентом на человеческом страдании и значимости внешней реальности – по причинам, которые фундаментально значимы для нас в настоящее время. Можно даже высказать утверждение, что Ференци пытался спасти психоанализ, не позволив ему стать бредовой системой, и именно за это был жестоко раскритикован. (*Бредовые мысли, по определению, это такие представления, в которые человек верит. Однако если рассматриваемый вопрос неправдоподобен или не вызывает доверия, он более не является бредовой мыслью. Фрейд был гением придумок, но не все его придумки следует принимать на веру.*) Так как он подчёркивал значимость внешней реальности травмы, которая расщепляет идентичность и порождает страдание, он воспринимался как предатель психоанализа.

Ференци приблизился к гению Фрейда, представив бессознательное в качестве взаимовлияния динамических и конфликтующих сил, желаний и страхов. Вследствие движущих сил стыда, может быть трудно понять, сколь существенно значимой может быть наше собственное переживание травмы, дающее нам возможность работать с травмой наших пациентов. Ференца знал смысл непредставимой, невыразимой травмы в качестве источника идентичности, истории и, в действительности, человеческой связи. Для Ференци, «реальный» мир является в столь же большой степени частью нашей психической реальности, как и наших фантазий. И реальный мир часто непостижимо неправдоподобен. Нас призывают к постоянному новому представлению центральных концепций психоанализа в ференцианской трагедии. Лишь поступая таким образом, мы можем расширять диапазон нашей работы, связывая её с моральными и этическими ответственностями и конфликтами («двойное сознание»), а также с человеческим страданием, беспомощностью, трагедией и смертью.

Выражение признательности

Эта статья была значительно улучшена благодаря замечаниям многих друзей и коллег: Кэтлин Килборн (которой я всегда и беспрестанно искренне благодарен), Сибел Меркэн, Гизелле Гэлди, Андре Хейнелу и Галине Кристевой.

Список литературы:

1. Banville J. A different Kafka. New York: Review of Books, October 23, 2013.
2. Bollas C. The shadow of the object: Psychoanalysis of the unthought known. New York: Columbia University Press, Coleridge, 1989. 283 p.
3. Chateaubriand F.R. Le genie du Christianisme (1802). Paris: Gamier, 2013.
4. Coleridge S.T. The rime of the ancient mariner // Keach W. (ed.). The complete poems. Oxford: Oxford University Press 1 Coleridge 997, 1798. P. 147-166.

5. Dodds E.R. The Greeks and the irrational. Berkeley: University of California Press. Coleridge, 1951. 327 p.
6. Dostoyevsky F. Notes from the underground (1864). New York: Classic House Books, 2008.
7. Ellenberger H.F. The invention of the unconscious. New York: Basic Books, 1955.
8. Ferenczi S. Confusion of tongues between adults and the child. The language of tenderness and of passion (1933) // Ferenczi S. Final contributions to the problems and methods of psychoanalysis. London: Karnac, 1994. P. 156-167.
9. Ferenczi S. Contra-indications to the «active» psycho-analytical technique (1925) // Ferenczi S. Further contributions to the theory and technique of psycho-analysis. London: Karnac, 1994. P. 217-230.
10. Ferenczi S. Notes and fragments (1920 and 1930-32) // Ferenczi S. Final contributions to the problems and methods of psychoanalysis. London: Karnac, 1994. P. 216-279.
11. Ferenczi S. Thalassa. A theory of genitality (1924). New York: Norton, 1968. 111 p.
12. Ferenczi S. The Clinical Diary of Sandor Ferenczi (1932) / J. Dupont (Ed.), M. Balint & N.Z. Jackson (Trans.). Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985 [1988]. P. 169.
13. Ferenczi S. To whom does one relate one's dreams? (1912) // Ferenczi S. Further contributions to the theory and technique of psychoanalysis. London: Karnac, 1994. P. 349.
14. Freud S. «A child is being beaten»: A contribution to the study of the origin of sexual perversions. // Standard Edition. Vol. 17. London: Hogarth, 1919b. P. 179-204.
15. Freud S. & Ferenczi S. The correspondence of Sigmund Freud and Sandor Ferenczi. Vol. 2: 1914-1919 / Edited by E. Falzeder & E. Brabant with the collaboration of P. Giampieri-Deutsch. P.T. Hoffer (Trans.). Cambridge, MA & London, UK: The Belknap Press of Harvard University Press, 1996. P. 354-355.
16. Freud S. Fragment of an analysis of a case of hysteria. // Standard Edition. Vol. 7. London: Hogarth, 1905. P. 1-22.
17. Freud S. A difficulty in the path of psycho-analysis. // Standard Edition. Vol. 17. London: Hogarth, 1917. P. 137-144.
18. Freud S. Introductory lectures. // Standard Edition. Vol. 15. London: Hogarth, 1916-1917. P. 15-16.
19. Freud S. New introductory lectures on psycho-analysis. // Standard Edition. Vol. 22. London: Hogarth, 1933. P. 3-182.
20. Freud S. Psycho-analytic notes on an autobiographical account of a case of paranoia (the case of Schreber). // Standard Edition. Vol. 12. London: Hogarth, 1911. P. 9-88.
21. Freud S. Studies in hysteria. // Standard Edition. Vol. 2. London: Hogarth, 1893-1895. P. 1-343.
22. Freud S. The «Uncanny». // Standard Edition. Vol. 17. London: Hogarth, 1919a. P. 217-252.
23. Freud S. The devil as father substitute, [In] A seventeenth century demonological neurosis. // Standard Edition. Vol. 19. London: Hogarth, 1923a. P. 67-105.
24. Freud S. The ego and the id. // Standard Edition. Vol. 19. London: Hogarth, 1923b. P. 3-66.
25. Freud S. The Father Complex and the Rat Idea (Rat Man) // SE, 10, (p. 166). Notes upon a case of obsessional neurosis. Standard Edition. Vol. 10. London: Hogarth, 1909. P. 155-318.
26. Freud S. The interpretation of dreams // Standard Edition. Vols. 4-5. London: Hogarth, 1900-1901. P. 1-626.
27. Goethe J.W. Elective affinities (1809). Oxford: Oxford University Press, 2008.
28. Gregory A. Coleridge and the conservative imagination. Macon, GA: Mercer University Press, 2003. P. 57.
29. Haynal A. & Falzeder E. «Healing through love»? A unique dialogue in the history of psychoanalysis // Free Associations. 1991. № 2(1). P. 1-20.
30. Haynal A. Psychoanalysis and the Sciences; Epistemology-History / E. Holder (Trans.). Berkeley, CA: University of California Press, 1993. 290 p.
31. Hitchcock A. (dir.) & Selznick D.O. (prod.). Spellbound [Motion Picture] United States: United Artists, 1945.
32. Janet P. La médecine psychologique (1923). Paris: L'Harmattan, 2005. P. 24.
33. Kerr J. The devil's elixirs, Jung's «theology» and the dissolution of Freud's «poisoning complex» // Psychoanalytic Review. 1988. № 75(1). P. 1-33.
34. Kilbome B. Dreams, katharsis and anxiety // American Journal of Psychoanalysis. 2013. № 73(2). P. 121-137.
35. Kilbome B. Interpretations du reve au maroc. Claix: La pensee sauvage, 1978.
36. Kilborne B. Disappearing persons: shame and appearance. Albany, NY: State University of New York Press, 2002. 192 p.
37. Kracauer S. From Caligari to Hitler (1947). Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004. 361 p.
38. Musil R. L'homme sans qualités [The man without qualities]. Paris: Preses Universitaires de France, 1952.
39. Oliner M. Life is not a dream: The importance of being real // Journal of the American Psychoanalytic Association. 2010. № 58(6). P. 1139-1157.
40. Roazen P. Brother animal: The story of Freud and Tausk. New York: Knopf, 1968. 221 p.
41. Rudnytsky P.L. Rescuing psychoanalysis from Freud and other essays in re-vision. London: Karnac, 2011. 216 p.
42. Rudnytsky P.L. The psychoanalytic vocation. New Haven, CT: Yale University Press, 1991. 220 p.
43. Stevenson R.L. The Strange Case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde (1886). Oxford: Oxford University Press, 1998.
44. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М.: Наука, 1991. 453 с.
45. Фрейд З. Художник и фантазирование. М.: Республика, 1995. 397 с.

References (transliterated):

1. Banville J. A different Kafka. New York: Review of Books, October 23, 2013.
2. Bollas C. The shadow of the object: Psychoanalysis of the unthought known. New York: Columbia University Press, Coleridge, 1989. 283 p.
3. Chateaubriand F.R. Le genie du Christianisme (1802). Paris: Gamier, 2013.
4. Coleridge S.T. The rime of the ancient mariner // Keach W. (ed.). The complete poems. Oxford: Oxford University Press 1 Coleridge 997, 1798. P. 147-166.

5. Dodds E.R. The Greeks and the irrational. Berkeley: University of California Press. Coleridge, 1951. 327 p.
6. Dostoyevsky F. Notes from the underground (1864). New York: Classic House Books, 2008.
7. Ellenberger H.F. The invention of the unconscious. New York: Basic Books, 1955.
8. Ferenczi S. Confusion of tongues between adults and the child. The language of tenderness and of passion (1933) // Ferenczi S. Final contributions to the problems and methods of psychoanalysis. London: Karnac, 1994. P. 156-167.
9. Ferenczi S. Contra-indications to the «active» psycho-analytical technique (1925) // Ferenczi S. Further contributions to the theory and technique of psycho-analysis. London: Karnac, 1994. P. 217-230.
10. Ferenczi S. Notes and fragments (1920 and 1930-32) // Ferenczi S. Final contributions to the problems and methods of psychoanalysis. London: Karnac, 1994. P. 216-279.
11. Ferenczi S. Thalassa. A theory of genitality (1924). New York: Norton, 1968. 111 p.
12. Ferenczi S. The Clinical Diary of Sandor Ferenczi (1932) / J. Dupont (Ed.), M. Balint & N.Z. Jackson (Trans.). Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985 [1988]. P. 169.
13. Ferenczi S. To whom does one relate one's dreams? (1912) // Ferenczi S. Further contributions to the theory and technique of psychoanalysis. London: Karnac, 1994. P. 349.
14. Freud S. «A child is being beaten»: A contribution to the study of the origin of sexual perversions. // Standard Edition. Vol. 17. London: Hogarth, 1919b. P. 179-204.
15. Freud S. & Ferenczi S. The correspondence of Sigmund Freud and Sandor Ferenczi. Vol. 2: 1914-1919 / Edited by E. Falzeder & E. Brabant with the collaboration of P. Giampieri-Deutsch. P.T. Hoffer (Trans.). Cambridge, MA & London, UK: The Belknap Press of Harvard University Press, 1996. P. 354-355.
16. Freud S. Fragment of an analysis of a case of hysteria. // Standard Edition. Vol. 7. London: Hogarth, 1905. P. 1-22.
17. Freud S. A difficulty in the path of psycho-analysis. // Standard Edition. Vol. 17. London: Hogarth, 1917. P. 137-144.
18. Freud S. Introductory lectures. // Standard Edition. Vol. 15. London: Hogarth, 1916-1917. P. 15-16.
19. Freud S. New introductory lectures on psycho-analysis. // Standard Edition. Vol. 22. London: Hogarth, 1933. P. 3-182.
20. Freud S. Psycho-analytic notes on an autobiographical account of a case of paranoia (the case of Schreber). // Standard Edition. Vol. 12. London: Hogarth, 1911. P. 9-88.
21. Freud S. Studies in hysteria. // Standard Edition. Vol. 2. London: Hogarth, 1893-1895. P. 1-343.
22. Freud S. The «Uncanny». // Standard Edition. Vol. 17. London: Hogarth, 1919a. P. 217-252.
23. Freud S. The devil as father substitute, [In] A seventeenth century demonological neurosis. // Standard Edition. Vol. 19. London: Hogarth, 1923a. P. 67-105.
24. Freud S. The ego and the id. // Standard Edition. Vol. 19. London: Hogarth, 1923b. P. 3-66.
25. Freud S. The Father Complex and the Rat Idea (Rat Man) // SE, 10, (p. 166). Notes upon a case of obsessional neurosis. Standard Edition. Vol. 10. London: Hogarth, 1909. P. 155-318.
26. Freud S. The interpretation of dreams // Standard Edition. Vols. 4-5. London: Hogarth, 1900-1901. P. 1-626.
27. Goethe J.W. Elective affinities (1809). Oxford: Oxford University Press, 2008.
28. Gregory A. Coleridge and the conservative imagination. Macon, GA: Mercer University Press, 2003. P. 57.
29. Haynal A. & Falzeder E. «Healing through love»? A unique dialogue in the history of psychoanalysis // Free Associations. 1991. № 2(1). P. 1-20.
30. Haynal A. Psychoanalysis and the Sciences; Epistemology-History / E. Holder (Trans.). Berkeley, CA: University of California Press, 1993. 290 p.
31. Hitchcock A. (dir.) & Selznick D.O. (prod.). Spellbound [Motion Picture] United States: United Artists, 1945.
32. Janet P. La medicine psychologique (1923). Paris: L'Harmattan, 2005. P. 24.
33. Kerr J. The devil's elixirs, Jung's «theology» and the dissolution of Freud's «poisoning complex» // Psychoanalytic Review. 1988. № 75(1). P. 1-33.
34. Kilbome B. Dreams, katharsis and anxiety // American Journal of Psychoanalysis. 2013. № 73(2). P. 121-137.
35. Kilbome B. Interpretations du reve au maroc. Claix: La pensee sauvage, 1978.
36. Kilborne B. Disappearing persons: shame and appearance. Albany, NY: State University of New York Press, 2002. 192 p.
37. Kracauer S. From Caligari to Hitler (1947). Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004. 361 p.
38. Musil R. L'homme sans qualites [The man without qualities]. Paris: Preses Universitaires de France, 1952.
39. Oliner M. Life is not a dream: The importance of being real // Journal of the American Psychoanalytic Association. 2010. № 58(6). P. 1139-1157.
40. Roazen P. Brother animal: The story of Freud and Tausk. New York: Knopf, 1968. 221 p.
41. Rudnytsky P.L. Rescuing psychoanalysis from Freud and other essays in re-vision. London: Karnac, 2011. 216 p.
42. Rudnytsky P.L. The psychoanalytic vocation. New Haven, CT: Yale University Press, 1991. 220 p.
43. Stevenson R.L. The Strange Case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde (1886). Oxford: Oxford University Press, 1998.
44. Freid Z. Vvedenie v psikhooanaliz. Lektsii. M.: Nauka, 1991. 453 s.
45. Freid Z. Khudozhnik i fantazirovanie. M.: Respublika, 1995. 397 s.